

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Бывает так, что резкая критика приносит больше радости, чем похвала. Написал я об очень трудной

проблеме российского мата, пытаясь не только осудить, но и понять моих матерящихся сограждан. А за попытку понять их один из читателей осудил меня. Вот это осуждение меня и порадовало.

Читатель — человек пожилой, кадровый рабочий, зовут его Иван Иванович Петров. Думаете, псевдоним? И я так подумал. Но нет, живой человек, москвич, с домашним адресом и телефоном, за вымышленную фамилию не прячется, пишет, как считает нужным. А считает нужным сказать, что «пришел в ужас от того, что даже такие писатели, как Л. Жуховицкий, по сути пропагандируют мат». И хотя мат я не пропагандирую, скорее, наоборот, письмо заставило задуматься.

Чтобы мой ответ не выглядел совсем уж благостным, укажу все-таки, в чем мой оппонент ошибается. Он, например, полагает, что в войну не матерились. И я так думал в семнадцать лет, на первом курсе института, и даже на семинаре по литературе утверждал, что в атаку люди шли с возвышенными лозунгами. Но замечательный поэт-фронтовик Николай Константинович Старшинов, деликатно отозвав меня в сторону, объяснил, что в атаку бойцы шли именно с матом, а не с призывами ЦК партии. Иван Иванович приводит вычитанную им когда-то фразу Ленина: «Может ли человек считать себя культурным, если он не может выразить мысль без сквернословия?» Хорошие слова! Но, увы, сам Владимир Ильич порой без крепких выражений не обходился и даже про интеллигентню говорил такое, что повторять неприятно.

Но если по сути — разве в письме Ивана

АЛКАШИ ПОРТУГАЛИЮ НЕ ДОГОНЯТ

Ивановича нет немалой правоты? Вот он пишет: «Я рабочий. Не пью, не курю, не ругаюсь матом... И если бы все были такие, как я, у нас не было бы милиции, судов, убийств, воровства».

Прочитал я это и задумался. Я ведь тоже практически не пью, не курю, а грубое слово если и вспомню, то лишь в исключительном случае. Выходит, нас таких уже двое. И ведь живем как-то! Так, может, и у других получится? Неужели мы, наследники и хозяева богатейшего языка, без мата друг друга не поймем?

Кстати, я заметил, что самые остроумные анекдоты, даже те, где вся соль вроде бы в мате, великолепно обходятся без грубых слов. Не верите? Пожалуйста — вот анекдот не ахти какой новый, но веселый.

Приходит на наш завод иностранная делегация. И вот в цехе гости видят, как рабочий и мастер стоят у станка, размахивают руками и орут друг на друга. Спрашивают переводчицу, — о чем дискуссия. Та, дется некуда, переводит. Мол, мастер говорит, что станок очень дорогой, и если рабочий его испортит, то он, мастер, вступит с ним в сексуальные отношения, иначе с ним самим вступит в сексуальные отношения начальник цеха, а с начальником цеха — директор завода. На что рабочий отвечает, что он сам вступит в сексуальные отношения и с мастером, и с начальником цеха, и с директором завода, и с этим станком»...

Иван Иванович полагает, что культура речи тесно связана с культурой производства, что во многом из-за неряшливости в словах мы не способны произвести ничего путного, от тапочек до автомобилей. Аргумент неслабый, и сходу его не отмахнешь — ведь и правда — одна расхлябанность порождает другую.

Читатель пишет: «Возьмем наших женщин, сплошной мат. Оттого и бросают новорожденных детей на помойку».

Александр МАКАРЕНКО

Не уверен, что тут есть прямая связь — но ведь какая-то, пожалуй, существует, а? Ведь не станем мы утверждать, что сквернословие благотворно влияет на материнский инстинкт! Рискуя обидеть феминисток, замечу, что вообще вряд ли имеет смысл окончательно стирать различия между полами: матерящаяся женщина выглядит не более органично, чем мужчина с накрашенными губами.

Но есть ли реальная возможность сделать нашу речь, да и вообще жизнь чище? Принять закон? Но кто наши законы не то, что исполняет, а хотя бы читает? Сажать за сквернословие? Полстраны окажется в лагерях, а там и так не продохнуть.

Все же у меня есть некая идея, пусть и не совсем реалистичная. А что если принять

закон против мата, но крайне узкой направленности — пусть ответственности подлежат только сами законодатели, офицеры всех силовых структур и большие начальники. Тех же депутатов за мат мимо всех неприкосновенностей выкидывать из Думы, желательнее коленом под зад, ибо иного языка матершинники просто не понимают. А офицеров и начальников без долгих разбирательств автоматически понижать в звании и должности на одну ступень. Ведь наверняка подействует! А если рыба перестанет гнить с головы, авось, и хвост начнет смотреться поприглядней. Ну а нам — не депутатам, не офицерам, не начальникам — нам, не подвластным строгому закону, как быть?

Нам, я думаю, надо поступить просто: договориться по возможности обходиться без мата. Когда нация о чем-то договаривается, это порой действует сильнее закона. Вот американцы, например, договорились не курить — сперва в самолетах и поездах, потом в магазинах, а потом и на улице. И ведь получилось — курить стали значительно меньше, а жить значительно дольше. Может, и нам стоит постепенно избавляться от того, что уклончиво именуется вредными привычками? А то ведь обидно: российский мужик живет всего-то 59 лет. Разве это возраст? И разве страна матерящихся прокуренных алкашей когда-нибудь догонит Португалию, которую мы в последнее время благоразумно взяли за ориентир вместо далеко убежавшей Америки? А ведь надо догнать — хотя бы ради правнуков надо...

Вот какие мысли вызвало у меня письмо читателя Петрова Ивана Ивановича, проживающего в Москве по улице Енисейской.